

чаши и кубки, драгоценную церковную утварь, разнообразные изделия из резной кости и, наконец, роскошные рукописи с тончайшими миниатюрами,¹ заключенные в тяжелые переплеты, каждый из которых представляет собой произведение искусства.

Сложное чувство вызывают эти памятники у современного зрителя. Мы не можем не восхищаться изумительным мастерством и неистощимой фантазией неизвестных художников. Нельзя не почувствовать страстной взволнованности, исходящей от многих изображений. И вместе с тем не все в них нам понятно. Дело здесь не только в том, что мы плохо знаем сюжеты или не умеем разобраться в тонкостях сложной религиозной символики. Ведь сюжеты античных мифов зачастую еще меньше знакомы нам, чем эпизоды христианских легенд, тем не менее искусство Древней Греции или Рима, как правило, гораздо доступнее, нежели более близкое по времени искусство средневековья. Причина этого кроется в самом характере изображений — в их несоответствии нашим представлениям о прекрасном, в нарушении привычного сходства с натурой. Стремясь постигнуть эти произведения, мы вступаем в особый мир. Если мы хотим глубже проникнуть в него, нам придется отрешиться на время от привычных критериев и оценок, чтобы, по возможности, понять это искусство исходя из его задач и лежащего в его основе мировоззрения.

Изучение средневекового искусства началось сравнительно недавно. В течение столетий над ним тяготел суровый приговор. Уже в XV—XVI веках, во времена расцвета культуры Возрождения, в сочинениях итальянских историков утвердился взгляд на